

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

О. А. Бочарникова

Липецкий государственный технический университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2019 г.

Аннотация: *в статье рассматривается социально-философский аспект особенностей процесса трансформации социума в условиях формирования информационного общества и глобализации современного мира.*

Ключевые слова: *социум, информационное общество, трансформация, электронная демократия, постдемократия, конфликт.*

Abstract: *the article deals with the socio-philosophical aspect of the transformation of society in the formation of post-industrial information society and globalization of the modern world*

Key words: *society, information society, e-democracy, post-democracy, conflict.*

Объяснение процесса трансформации социума наука осуществляла на каждом этапе перехода от одной исторической эпохи к другой. Методы оценки при этом менялись, по крайней мере, по двум основным причинам.

Во-первых, с течением времени изменялось само понятие человеческого общества. Вначале человек воспринимал природу и общество как единое целое, затем наука увидела в обществе самостоятельную целостность.

Во-вторых, метаморфоза знаний об обществе объяснялась изменением познавательных методов в науке. Так, в XVII–XVIII вв. приоритетным был механистический подход. Подтверждением данного тезиса являются названия некоторых философских произведений того времени («Этика, доказанная в геометрическом порядке» Б. Спинозы, «Человек-машина» Ж. Ламетри и др.). Однако механистический подход не мог объяснить природу человеческого общества более сложными (чем механическое) формами движения материи. Именно поэтому на очередном этапе разработки методов познания человеческого общества объяснение функционирования и развития социума производилось уже на основе трех принципиально отличных друг от друга типов взаимодействия: «механизм», «химизм» и «организм» [1]. По первому типу природа взаимодействующих объектов остается прежней; по второму – объекты изменяют свою природу; а по третьему – принадлежат к единой системе.

Дальнейшее развитие системного подхода к объяснению развития социума происходило на базе эволюционной теории Ч. Дарвина, гипотезы

тезе материального объяснения истории, которая была сформулирована в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и концепциях других исследователей.

Современные исследователи утверждают, что переход от индустриального общества к постиндустриальному в странах Западной Европы произошел в процессе информационно-технологической революции, при определенном воздействии международных корпораций и росте их взаимозависимости от глобальной рыночной экономики. При этом суверенитет национальных государств был заметно ослаблен, а в системе государственных институтов исполнительной власти усилилось влияние государственной бюрократии, ограничивающей деятельность двух других ветвей власти: законодательной и судебной. По мнению итальянского философа Д. Дзоло, «парламентская демократия уступает место телеократии» [2, с. 11]. Это означает, что массовые политические партии, которые на всем протяжении XX в. были многочисленными, активными и открытыми, сегодня не нуждаются в привлечении большого числа новых членов и активистов. Объясняется это тем, что каналы государственного и частного телевидения являются более дешевыми и эффективными институтами политической пропаганды. Отсюда на роль новых субъектов политики выдвигаются не партии, а специалисты в организации избирательных кампаний, так называемые элитарные предприниматели, конкурирующие на поле политической рекламы, телевизионного маркетинга и поставляющие потребителю свой символический продукт. В связи с этим Д. Дзоло полагает, что «установился режим, который вполне обоснованно можно назвать постдемократической телеолигархией, где подавляющее большинство граждан не выбирает и не избирает, а остается в неведении и подчиняется» [там же, с. 285].

Многие авторы (Э. Гидденс, Р. Дарендорф, К. Крауч и др.) выражают тревогу по поводу усиливающейся нестабильности рынков, масштабных демографических изменений, массовой миграции и т. д. Эти социально-экономические процессы создают новую конфликтность современных обществ.

Кардинальные перемены происходят не только в сфере промышленного производства, но и в сфере обслуживания, причем в значительной степени причиной их стали невероятные глобальные перемены, связанные с распространением Интернета. «Я даже представить себе не мог, насколько глубоким и повсеместным окажется этот процесс», – пишет Э. Гидденс [3, с. 21]. Автор убежден в том, что благодаря ускорению глобализации и распространению Интернета люди живут сегодня в рамках иной общественной и технологической системы, отличной даже от тех, которые существовали еще совсем недавно, и называет эту систему «обществом больших возможностей и серьезных рисков» [там же]. Однако, отмечая сложность глобальных взаимоотношений государственных субъектов и бурный рост общего уровня научных и технических инноваций, Э. Гидденс озабоченно заявляет, что «нам вряд ли удастся предугадать, каким именно образом можно привести перспективы и риски в равновесие» [там же].

В результате к числу основных проблем, напрямую затрагивающих безопасность Европы (в широком смысле слова), можно отнести: управление границами, таможенный контроль, борьбу с преступностью, применение международных законов, взаимодействие в деле защиты окружающей среды, предотвращение болезней и контроль над их распространением, и мн. др.

Одной из самых болезненных проблем для современной Европы стала массовая иммиграция, характеризующаяся множеством разнообразных граней: экономической, социокультурной, политической, психологической и т. д. Наряду с экономическим кризисом иммиграция вызывает наибольшую озабоченность для избирателей большинства европейских государств и в силу этого выступает в качестве одного из главных вопросов на повестке дня правых и популистских партий.

По мнению большинства исследователей, главная особенность нынешней миграции заключается в том, что она является результатом не только регионального, но и глобального масштаба. Ее природу, стимулирующую разнообразные преобразования, изменили электронные средства общения, которые стали доступны каждому человеку в любой точке земного шара. Кроме того, глобализация резко усиливает возможности мобильности населения, и, как следствие, отрыв от собственных корней больших масс людей. Это имеет как положительные, так и отрицательные последствия (особенно для жителей принимающих обществ, захваченных высокой скоростью социальных изменений).

Таким образом, взаимодействие местных и глобальных явлений создает дополнительные проблемы для тех, кто меньше всего осознает эти связи. Например, Э. Гидденс обращает внимание на то, что миграция всегда вела к возникновению сети зарубежных конфликтных диаспор, которые сегодня представляют собой как физические, так и виртуальные общины, зачастую характеризующиеся гораздо более глубокой степенью самосознания, чем раньше.

Отсюда нет ничего удивительного в том, что повсюду ощущается желание «вернуться назад», подогреваемое ностальгией по прошлому, чаще всего крайне идеализируемому. «Начинает раздаваться призыв к закону и порядку... Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте гнезда старых социальных взаимосвязей. Снова начинают вызывать интерес национальные корни и абсолютные догматы веры», – пишет Р. Дарендорф [4, с. 68]. Религиозный фундаментализм представляет собой такой же феномен желания «вернуться к идеализированному прошлому», как и некоторые формы возрождающегося национализма.

Развитие современных технологий на базе электронных и информационных средств не только ускоряет процесс социальных изменений, но и приводит к усложнению современных обществ. Передовые технические инновации (в частности, в геномной инженерии, биотехнологии, создании искусственного интеллекта и т. д.) способны оказать мощное воздействие на биологические, антропологические и когнитивные характеристики

человека. В формировании этой крупномасштабной обратной связи центральную роль играют информационная революция, процессы развития робототехники, телематики и мультимедийных средств. Итальянский ученый Дж. Ваттимо, характеризуя постмодерн, отмечает такие его характеристики, как разрушение принципа реальности и фрагментацию когнитивного горизонта, созданного развитием средств массовой информации, которые формируют своеобразную дематериализацию жизни и стилизацию социальных отношений [5]. Вместе с тем можно согласиться с мнением Дж. Ваттимо, что нарастающая социальная сложность, развивающаяся из возникающего множества постоянно меняющихся социальных подсистем, дает человечеству новый шанс человеческой эмансипации. Однако философский оптимизм подобного рода не является доминирующим в современном научном дискурсе. Гораздо более распространенным становится скептический взгляд на развивающиеся социально-экономические процессы.

В последние годы большую популярность приобрел концепт «постдемократии», разработанный английским политическим социологом К. Краучем [6, с. 7–8], утверждающим, что политика начала XXI в. в ряде отношений похожа на политику XIX столетия, которая определялась разыгрываемой игрой властвующих и оппозиционных элит. Распространение глобального капитализма и упадок общественных классов, связанных с индустриальным производством, привело к появлению замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей и постоянных взаимоотношений с влиятельными бизнес-группами, нежели в осуществлении политических программ, отвечающих интересам широких слоев населения. «Я утверждаю, – пишет К. Крауч, – что нас всё сильнее сносит в сторону постдемократического полюса» [там же, с. 19].

Постдемократия как раз и представляет собой такую систему, в которой дистанцирующиеся от общества политические элиты поддерживают связь с ней при помощи манипулятивных технологий и рекламы на основе маркетинговых исследований.

Каковы причины возникновения постдемократии и какова ее природа? *Во-первых*, первопричиной происходящих процессов в социальной сфере являются те стремительные изменения в классовой структуре постиндустриального общества, в результате которых возникает множество профессиональных групп, не имеющих собственных автономных организаций для выражения своих политических интересов. Этим они отличаются от классовых субъектов индустриального общества. В первую очередь это касается организованного рабочего класса, который на протяжении всего XX в. бросал вызов интересам богатых привилегированных слоев, способствуя тем самым сохранению конституционных основ политики. Численное сокращение, дезорганизация и маргинализация этого класса в политической жизни приводят к снижению его влияния на проводимую в обществе политику и лишают ее эгалитарного вектора.

Ослабление эгалитаризма становится важным следствием «восстания элит» (В. Лэш), и этот процесс имеет более глубокие основания, чем рост влияния средств массовой информации и политических технологов, хотя возрастание роли последних вполне очевидно.

Во-вторых, причиной организации постдемократии является процесс огромной концентрации власти и богатства в многонациональных корпорациях, которые, трансформируясь в глобальную компанию, превращаются в ключевой институт, способный контролировать динамику происходящих перемен, оказывая политическое влияние на правительство любой страны.

В-третьих, сближение господствующего политического класса с представителями корпораций ведет к возникновению единой мировой элиты, далекой от нужд простых людей. Сложилась даже своеобразная «Давосская культура», отличающая высший мировой истеблишмент – завсегдатаев Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе.

Возникновение постдемократии в условиях возрастающего в XXI в. неравенства создает предпосылки к формированию опасных статусно-ролевых конфликтов по линии «элита-масса» и «верхи-низы», угрожающих основополагающим принципам открытого демократического общества. Анализ предложенных К. Краучем новых реалий в современных западных обществах не означает, что демократические политические системы постиндустриального общества не способны более порождать массовые движения, привлекающие внимание правящего класса к своим проблемам. Доказательством являются экономические, феминистские и другие разнообразные движения. Например, мощной корректирующей силой в кризисные 2008–2009 гг. стало массовое протестное движение «Оккупируй Уолл-стрит!».

Однако необходимо отметить, что, если автономная массовая активность будет проявляться лишь эпизодически, а ее напор окажется недостаточным, то, несмотря на сохранение демократических институтов (свободных выборов, конкурентных партий, свободных публичных дебатов и т. д.), реальная политика будет осуществляться лишь немногочисленной элитой и состоятельными группами, концентрирующимися вокруг власти центров и стремящимися получить от них собственные привилегии.

В рамках отмеченного постдемократического тренда особая роль принадлежит медиакорпорациям. Программы новостей и прочие политически значимые сообщения всё больше соответствуют тому формату, который диктуется определенными нужными представлениями правящей элиты. Функции информирования и просвещения, в прежние годы выполнявшие наиболее качественные широкоэвещательные компании демократического мира (например, британская ВВС), сегодня ослаблены: работники СМИ из общественного сектора обязаны отныне следить за соотношением своего зрительного рейтинга и рейтинга их

конкурентов из частного сектора и бороться за привлечение внимания. В результате коммерческая модель берет верх над другими способами осуществления массовой политической коммуникации. «Политика и прочие новости всё чаще рассматриваются как крайне скоропортящиеся предметы потребления. Потребитель берет верх над гражданином» [там же, с. 99].

Существует и другая причина для обеспокоенности той ролью, которую печать, радио и особенно телевидение играют в осуществлении политической коммуникации. Речь идет о контроле над этими СМИ, сосредоточенном в руках чрезвычайно узкой группы лиц. Развитие новых технологий передачи информации не привело к увеличению разнообразия ее поставщиков в силу их крайней дороговизны. Отсюда осуществление контроля за политически значимыми новостями и информацией оказывается в руках узкого круга исключительно богатых людей, разделяющих одно политическое мировоззрение и использующих контролируемые ими ресурсы для борьбы за свои убеждения. «Этот процесс, – заявляет Д. Дзолло, – ведет к созданию беспрецедентных процедур телевизиальной легитимации политической системы и ее вождей-процедур, которые не только кладут конец партийному членству, но и берут на себя функции выбора и решения, традиционно осуществлявшиеся демократическим электоратом» [2, с. 293]. Главную роль в этом играет харизма «теледемократических» вождей как продукт медийных манипуляций по созданию персонализированных и идеализированных телевизионных образов, чтобы повысить веру в их успех и тем самым привлечь средства на финансирование избирательных кампаний. Результатом их деятельности становится создание суррогатного электората наравне с реальным.

Таким образом, автор (Д. Дзолло) не испытывает оптимизма, свойственного многим его коллегам (Ч. Кум, Р. Парк и др.) в отношении идеи электронной демократии, разделяемой также статистическими и политическими исследователями (Дж. Гэллуп и Г. Лассуэлл). Полномасштабная электронная «опера», подобная древнегреческой, останется недостижимой мечтой в силу растущей специализации политических функций в обществах с повышенной сложностью и функциональной дифференциацией.

«Когнитивный дифференциал» между распространителями и получателями информации обнаруживает тенденцию к многократному увеличению. Всё это лишь усиливает асимметричную природу политической коммуникации, подменяя личную ответственность индивида, его автономное политическое участие неинтерактивным восприятием коммуникации. Отсюда власть в информационных обществах следует понимать в логике Н. Лумана [7] и М. Кастельса [8] – как способ коммуникации, посредством которого определенные политические игроки сужают горизонты возможностей, пределы доступного выбора для всех остальных. Поэтому защита демократических устоев в информационном контексте предполагает открытость процессов коммуникации.

Анализируя природу власти в сетевом обществе, М. Кастельс приходит к убеждению, что она осуществляется преимущественно путем конструирования смыслов в человеческом сознании в ходе коммуникационных процессов, происходящих в глобальных и локальных мультимедийных сетях массовой коммуникации, включая и массовую самокоммуникацию [там же, с. 14]. Хотя теории власти и государства, а также исторические наблюдения указывают на решающую роль монополии государства, на насилие в качестве источника социальной власти, автор настаивает на том, что возможность успешного использования насилия или запугивания основывается на фрейминге индивидуального или общественного сознания, со стороны власть имущих. При этом автономное конструирование смыслов может осуществляться лишь при сохранении коммуникационных сетей, подобных Интернету и принадлежащих всему обществу. Однако власть имущие сетевого общества будут пытаться поместить свободную коммуникацию в рамки коммерциализированных и контролируемых полицией сетей, чтобы закрыть общественное сознание, программируя связь между коммуникацией и властью.

Таким образом, можно констатировать, что процесс формирования информационного общества, как в странах Западной Европы, так и в России повышает конфликтогенную напряженность социальных систем. Основной способ снижения этой напряженности, которым повсеместно пользуются институты государственной власти, базируется на малоэффективных реформах, пустых обещаниях, запугивании, а в особо критических случаях на насилии. Нормальный процесс организации эффективного информационного социума, при котором, по мнению Э. Тоффлера, оно займет место старой бюрократии и станет отвечать всем потребностям общества [9], на наш взгляд, может быть осуществлен только при формировании в социуме конструктивного гражданского диалога между государством и гражданским обществом, на основе аргументированной дискуссии.

Литература

1. Антология мировой философии : в 4 т. / [ред. колл. : Н. С. Нарский (ред.-сост. третьего тома и авт. вступит. статьи) и др.]. – М., Мысль, 1971. – Т. 3: Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. – 760 с.
2. *Дзоло Д.* Демократия и сложность : реалистический подход / Д. Дзоло. – М. : Издат. дом гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010.
3. *Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент : что ждет Европу в будущем? / Э. Гидденс – М. : Дело : РАНХиГС, 2015.
4. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М. : РОССПЭН, 2002.
5. *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество / Дж. Ваттимо. – М. : Логос, 2003.
6. *Крауч К.* Постдемократия / К. Крауч ; пер. с англ. Н. В. Эдельмана ; гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010.
7. *Луман Н.* Власть / Н. Луман. – М. : Праксис, 2001.

8. *Кастельс М.* Власть коммуникации / М. Кастельс. – М. : Издат. дом гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2017. – 591 с.

9. *Тоффлер Э.* Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : Изд-во. АСТ, 2002. – 557 с.

Липецкий государственный технический университет

Бочарникова О. А., старший преподаватель кафедры транспортных средств и техносферной безопасности, соискатель кафедры философии

E-mail: okbocharnikova33@rambler.ru

Lipetsk State Technical University

Bocharnikova O. A., Senior Lecturer of the Vehicles and Technosphere Security Department, Applicant of the Philosophy Department

E-mail: okbocharnikova33@rambler.ru